

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09"20"

EDN XGSJQJ

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-118-124>

ОБРАЗ ТАЙГИ В БАЛЛАДАХ ЛЕОНИДА ЗАВАЛЬНЮКА

Гавриленко Виктория Дмитриевна, старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного ФГБОУ ВО «Благовещенский государственный педагогический университет», Благовещенск, Россия, gin_kitsune@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1489-1196>

Аннотация. Статья посвящена изучению жанра баллады в лирике поэта Леонида Завальнюка (1930–2010). В исследовании особое внимание уделяется анализу «Таежной баллады» и «Баллады о тающем снеге», которые вошли в сборник «За отступающим горизонтом» (1956). Данными балладами открывается и заканчивается балладный цикл, состоящий из пяти произведений. Сюжет обеих баллад развивается в художественном пространстве тайги, которая становится местом нравственного испытания для героев. Завальнюк первым ввёл образ тайги в балладу. В XIX в. наблюдается деканонизация жанра баллады. В произведениях Завальнюка наряду с сохранением балладных традиций (повествование от третьего лица, обращение к архетипическим сюжетам, смешение христианских и языческих верований, персонификация природных сил, особая роль времени года и времени суток в развитии сюжета) наблюдается и эволюция этого жанра (отказ от мистической составляющей, усиление реалистичности повествования, повествование от первого лица). В период творческого становления Завальнюка баллада стала для него жанром, помогающим найти свой индивидуальный стиль. К этому жанру он обращался на протяжении всего творческого пути, а мотив нравственного испытания стал одним из ведущих в лирике.

Ключевые слова: Леонид Завальнюк, баллада, «Таежная баллада», «Баллада о тающем снеге», сюжет, образ, мотив, мотив испытания, притча.

Для цитирования: Гавриленко В.Д. Образ тайги в балладах Леонида Завальнюка // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 118–124. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-118-124>

Research Article

THE IMAGE OF THE TAIGA IN THE BALLADS OF LEONID ZAVAL'NYUK

Victoria D. Gavrilenko, senior lecturer, the Department of Russian as a foreign language, Blagoveshchensk State Pedagogic University, Blagoveshchensk, Russia, gin_kitsune@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1489-1196>

Abstract. The article is devoted to the study of the ballad genre in the lyrics of the poet Leonid Zaval'nyuk (1930–2010). The study focuses on the analysis of “The Taiga Ballad” and “The Ballad of Melting Snow,” which were included in the collection “Beyond the Receding Horizon” (1956). These ballads open and end the ballad cycle, consisting of five works. The plot of both ballads develops in the artistic space of the taiga, which becomes a place of moral testing for the heroes. Leonid Zaval'nyuk was the first to introduce the image of the taiga into the ballad. The decanonisation of the ballad genre occurs in the 19th century. Leonid Zaval'nyuk's works not only preserve ballad traditions (third-person narration, appeal to archetypal plots, mixing Christian and pagan beliefs, personification of natural forces, the special role of the season and time of day in the development of the plot), but also the evolution of the genre takes place (refusal of the mystical component, increasing the realism of the narrative, first-person narration). The decanonisation of the ballad genre occurs in the 19th century. Leonid Zaval'nyuk turned to the ballad genre throughout his entire career. The motif of moral testing became one of the leading ones for the poet.

Keywords: Leonid Zaval'nyuk, ballad, ‘Taiga Ballad’, ‘Ballad of Melting Snow’, plot, image, motif, motif of trial, parable.

For citation: Gavrilenko V.D. The image of the taiga in the ballads of Leonid Zaval'nyuk. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 4, pp. 118–124 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-118-124>

Произведения Леонида Завальнюка (1930–2010) – поэта, прозаика, сценариста, художника – пришли к читателю еще в 1950-е гг. и с тех пор вызвали неизменный интерес. За долгую творческую жизнь поэт создал более 1 000 стихотворных произведений, опубликованных в 33 поэтических сборниках. И с самого начала появления на литературной сцене Завальнюк привлекал внимание критиков и исследователей, особенно тех, кто занимался региональной проблематикой, ведь дебют поэта связан с Дальним Востоком, где в газетах «На боевом посту» и «Суворовский натиск» стали печататься его стихи, а в 1953 г. увидел свет первый поэтический сборник – «В пути». Основатель школы литературного краеведения Приамурья А.В. Лосев сразу же отозвался на выход первого сборника, а впоследствии включил произведения Завальнюка в издание, с которого идет отсчет системного изучения литературы Приамурья [Лосев 1963].

Именно в период жизни в Благовещенске (1953–1964) Завальнюк обращается к жанру баллады. К этому времени в советской поэзии наблюдается стойкий интерес к жанру, зачастую характеризующийся переосмыслением его ключевых характеристик в творчестве Н. Тихонова, Э. Багрицкого, М. Светлова, обратившихся к созданию баллад в 1920–30-е гг. [Боровская: 316–322]. Во второй половине XX в. жанр переживает процесс трансформации в произведениях Л. Ошанина, Р. Рождественского, В. Высоцкого, Б. Окуджавы [Гудкова, Пивкина: 248–251].

И это не случайно. Ведь баллада, зародившаяся еще в конце первого тысячелетия нашей эры, постоянно изменялась. Не представляется возможным свети к одному источнику генезис баллады. Ее истоки можно обнаружить в мифологии, устном народном творчестве, героическом эпосе Средневековья. Этот древний синкретичный жанр, как отметил Н.И. Кравцов, сложился в результате постоянного обогащения от связи с народной жизнью и другими жанрами [Кравцов: 197]. Отсюда причины разнообразия тем и мотивов баллады и ее изменчивости.

Канонические черты баллады были выделены еще А.Н. Веселовским [Веселовский: 71–79]. Балладе свойственна сюжетность, зачастую с элементами чудесного и сверхъестественного, любовь к троичности, эмоциональность повествования, использование рефренов, повторов и диалогов, повествование от третьего лица. Однако уже в XVIII в. происходит деканонизация жанра. И.В. Гете, нарушая канон, создает баллады с повествованием от первого лица: повествователь сам становится героем произведения. После в балладах В. Вордсворта, С. Колриджа, Г. Гейне появляется лирическое «я». В русской литературе эта тенденция отразилась в творчестве В.А. Жуковского, А.С. Пушкина. Главное направление этих изменений связано с тем, что лирическая

составляющая баллады начинает довлеть над сюжетной [Бройтман: 331–334].

Трансформация баллады продолжается и в XX в., что наглядно демонстрируют не только баллады Н. Тихонова, Э. Багрицкого, М. Светлова, Л. Ошанина, Р. Рождественского, В. Высоцкого, Б. Окуджавы, но и произведения Л. Завальнюка, который был учеником Л. Ошанина в Литературном институте.

В 1956 г. была опубликована вторая книга Завальнюка – «За отступающим горизонтом», в которой центральное место занял цикл из пяти баллад. Примечательно, что ключевые позиции в цикле – начало и конец – отведены балладам, действие которых разворачивается в тайге. Таким образом, Завальнюк «расширяет географию» баллады: вводит в нее таежную тему и образ тайги.

Не один век Сибирь и Дальний Восток влекли людей неизведанной и неисхоженной, опасной и манящей тайгой. Неудивительно, что в художественных произведениях об этих регионах значимым образом становится суровый таежный край. Тайга – это место, в котором способны выжить только сильные духом, место единения человека с первозданной природой. Потому мотив испытания – экзамен на звание человека – так гармоничен и естественен в художественном пространстве тайги. О тайге в своей знаменитой повести «Дерсу Узала» (1923) писал В.К. Арсеньев, с ней неразрывно связана жизнь героев произведений В.Г. Распутина («Край возле самого неба» (1966), «Сибирь, Сибирь» (1991)) и В.П. Астафьева («Васюткино озеро» (1952), «Капалуха» (1963)). Важное место таежная тематика занимает и в произведениях амурских авторов, особый интерес вызывают быт, повседневная жизнь людей, связанных с тайгой. Среди них произведения знаменитого исследователя и писателя Г.А. Федосеева (сборник рассказов «Таежные встречи» (1950), повести «Тропую испытаний» (1958), «Злой дух Ямбуя» (1966), «Последний костер» (1968)) и повесть одного из ведущих представителей современной литературы Приамурья В.Г. Лещика «Пара лапчатых унтов» (1979).

Таким образом, совершенно не случайно, что Завальнюк, оказавшись на Дальнем Востоке, обращается к этому образу. В тексте песни «Как ты близок мне, Дальний Восток», поэт использует образ тайги как один из ключевых, характеризующих специфику региона:

Променял я днепровские кручи,
 Майский праздник вишневой пурги
 На веселую стаю саранок,
 На тревожную песню тайги.
 Синева над Амуром сквозная,
 Парохода далекий гудок...
 Я тебя полюбил и не знаю,
 Чем ты дорог мне, Дальний Восток

[Завальнюк 1962: 5].

Этот едва намеченный образ тревожной, таинственной, оторванной от цивилизации тайги Завальнюк раскроет более глубоко в «Тажной балладе» и «Балладе о тающем снеге» (1956), которые при переиздании в 1975 г. будут объединены под общим названием «Тажные баллады» [Завальнюк 1975].

При переиздании поэт нередко давал своим произведениям новые названия, а порой вносил и небольшие правки. Это было связано с переосмыслением каких-то ключевых моментов в мировоззрении, развитием творческого почерка. Примечательно, что «Тажная баллада» из сборника 1956 г. при повторной публикации получила новое название – «Баллада о хлебе».

В центре повествования этой баллады – судьба двух мужчин, оказавшихся в тайге и вынужденных пережить вьюгу в зимовье. Но этот реалистический сюжет обладает метафоричностью. В экспозиции баллады люди совершают молебен о заблудших в тайге:

Древний обычай края –
В день, когда быть пурге,
В сельских церквах правят
Молебен о заблудших в тайге.
Хмурые люди молятся
Хмурому богу тайги:
– Всем,
Кто скитается по лесу,
Господи, помоги!

[Завальнюк 1956: 9]

Здесь происходит характерное для жанра баллады смешение языческих и христианских понятий [Ивашина: 68]. С одной стороны, ведется богослужение в церкви, а с другой – люди обращаются к языческому, «хмурому богу тайги». А молитва о спасении потерявшихся в тайге становится молитвой о спасении заблудшей души, сбившейся с пути истинного. Обратим внимание, что слово «всем» автор выносит в отдельную строку. На наш взгляд, это не случайно – так подчеркивается мысль, что «перед Богом все равны» – все дети Божьи.

По нашему мнению, Завальнюк обращается к архетипическому сюжету притчи о братьях Авеле и Каине. В русской литературе к нему обращались И.А. Бунин, Н.С. Гумилев, С.А. Есенин, М.М. Пришвин, М.А. Шолохов, но при этом каждый автор преобразовывал сюжет, наполнял его новыми смыслами и образами. Далее перед читателем должны появиться «братья», но поэт привносит изменения: герои не являются братьями, но сближает и роднит их посланное им испытание, о чем и повествуется во второй строфе баллады. Использование собирательного числительного «двое» подчеркивает единство героев, их одинаково трудное положение:

...Вторая неделя, как двое
Еле вползли в дом.

Вторую неделю двое
Лежат в зимовье пластом.
А вьюга поет кочетом
На весь белый свет.
И первый сказал:
– Кончено.
Хлеба больше нет...

[Завальнюк 1956: 9–10]

Разбушевавшаяся стихия для «первого» становится нравственным испытанием, которое герой не выдерживает. Он обманывает товарища и скрывает от него последний кусок хлеба. Тем самым нарушается одна из христианских заповедей: не лжесвидетельствуй, не обманывай. Ложь – это «творение» Сатаны, всякая ложь противна Богу. В желании спасти себя герой обрекает на гибель человека:

Воздух упруг, как губка.
В висках засыпает кровь.
Обглодав рукава полушубка,
К ночи затих второй

[Завальнюк 1956: 9–10].

Символичны слова «Хлеба больше нет...». Речь идет не только об отсутствии пищи как таковой, но и о потере веры. В Евангелии от Иоанна Иисус говорит: «Я есмь хлеб жизни» (Ин. 6:48). Хлеб символизирует тело Христово в христианской традиции. Земной хлеб питает наше тело, а хлеб небесный – наши души. Лишившийся веры «второй» остается обессиленным и умирает. И гибель его ложится тяжким грехом на «первого».

Таким образом, давая балладе новое название спустя почти двадцать лет после первой публикации, автор подчеркивает библейский смысл, который, возможно, изначально сам не осознавал или целенаправленно не выделял по цензурным соображениям.

Косвенно герой баллады становится убийцей, таким же как Каин, который, согласно книге Бытия, считается первым человеком, совершившим убийство. За одним совершенным грехом (лжесвидетельство), следует другой, который нельзя исправить. Убийство является самым страшным грехом в художественной картине мира поэта. Об этом Завальнюк не раз писал в своих лирических произведениях: «Заповедь» [Завальнюк 2001: 62–63], «Разговор с шестой заповедью» [Завальнюк 2014а: 45–46], «Не убий!» [Завальнюк 2014б: 282]. Шестую заповедь поэт назовет «единой», то есть объединяющей всех людей вне зависимости от их национальности и вероисповедания:

Я не верю ни в Бога, ни в дьявола,
Ни в Христа,
Ни в хлыста,
Ни в звезду на западе.
Только верю в единую заповедь –
Не убий!

[Завальнюк 2001: 62]

Обращение к тексту «Баллады о хлебе» позволяет убедиться, что Завальнюк использует характерный для баллады мотив страшного, воплощенный в образе мертвеца. К этому мотиву обращались еще Г.А. Бюргер, И.В. Гете, Ф. Шиллер, а в русской литературе в. В.А. Жуковский. Но если в балладах Жуковского мертвец является во снах, тем самым происходит встреча двух миров (земного и потустороннего), что типично для жанра баллады, то в «Таежной балладе» Завальнюка мертвец реален, он настойчиво напоминает о совершенном грехе. Осознает ли «первый» последствия своего поступка, раскаивается ли?

Скулы воском отглажены,
Глазница синим кольцом...
И первый, чтоб не было страшно,
Положил его вниз лицом.
И что-то жевал
Украдкой,
Долго, словно смолу.
А через день в лихорадке
Сам присмирел в углу

[Завальнюк 1956: 10].

Никакого раскаяния – только лишь страх перед пугающим лицом покойника. Однако сокрытый от товарища кусок хлеба не спасает «первого». Охваченный лихорадкой, он оказывается на пороге между жизнью и смертью, так и не осознавая своих грехов. А следовательно, лишается шанса на спасение, когда его находят охотники. Откликнувшиеся на молитвы людей «мудрые боги тайги» воплощаются в образе охотников, для которых тайга – дом. Они живут по ее суровым законам. Они – единственный шанс на спасение героя из снежного плена:

И хоть это нигде не сказано,
Люди с таежной судьбой,
Жизнью рискуя,
Обязаны
Живых уносить с собой.

Но когда слушали сердце,
Голубой обнажив сосок,
На землю
Из-за пазухи
Выпал
Черствого хлеба кусок...

И старшой суковатой палкой
Сухарь отшвырнул псам.
– Пули на гада жалко.
Пусть умирает
Сам

[Завальнюк 1956: 10–11].

«Первый» недостоин легкой смерти. Суровый таежный край, населенный сильными духом и телом людьми, не оставляет шансов лжецу и убийце, утаив-

шему последний кусок хлеба. Испытание, посланное заблудшей душе, завершилось провалом.

Примечательно, как переосмысливается образ языческого «хмурого бога», появляющегося в начале стихотворения. Его место занимают люди, которые вершат в тайге свой суд – «мудрые боги тайги»:

Пурга улеглась к рассвету.
И высушив сапоги,
Ушли по медвежьему следу
Мудрые боги тайги

[Завальнюк 1956: 11].

Типична для баллады и персонификация природных сил, они не просто фон в произведении, а активные участники происходящих событий. Так, выюга по мере приближения кульминации усиливается: вначале лишь поет, затем жалит снежным сеевом. Действие баллады Завальнюка, как и «Светланы» Жуковского, происходит во время выюги, погода восстанавливается лишь после завершения испытания.

«Таежная баллада», герой которой не справляется с нравственным испытанием, открывает балладный цикл Завальнюка в сборнике 1956 г. Далее следуют «Баллада о спрятанном оружии» и «Баллада о рыжем и черном». Тематически они близки первой балладе, в них также для раскрытия темы нравственности используются мотивы испытания и расплаты за совершенные проступки. Четвертая баллада – «Баллада о желтом листе» – характеризуется ярко выраженной философской направленностью. Ее герой «пробуждается ото сна», начиная осознавать и замечать красоту и быстротечность жизни. Эта первая и еще ученическая баллада Завальнюка. Поводом для ее написания стало задание, полученное от руководителя семинара в Литинституте Льва Ошанина: взять первую строфу из стихотворения Игоря Федорина и написать свое произведение. Кто-то написал поэму, кто-то песню, а Завальнюк – балладу. После этой баллады в сборнике следует пятая, завершающая цикл. В ее основе – та же тема, которая стала главной и в первых трех балладах цикла – проверка нравственной состоятельности человека.

Если в «Таежной балладе» повествование ведется по канонам – от третьего лица, то в «Балладе о тающем снеге» – уже от первого лица. Однако лирическое «я» не становится действующим героем, как у Пушкина в «Бесах», а остается рассказчиком:

Балладу о тающем снеге
Ставлю с другими в ряд

[Завальнюк 1956: 22].

Герой «Баллады о тающем снеге» вынужден идти пешком через тайгу вместе со своей спутницей. Уже в самом начале зарождается предчувствие страшного. Как отметил В.И. Тюпа, диалог в балладе «демонстрирует движение сюжета» [Тамарченко, Тюпа, Бройтман: 441], он становится движущей силой раз-

вития событий. Завальнюк же отказывается от диалога, сохраняя отдельные реплики героев:

Милее женских капризов
Ничего не найти.
Страшнее женских капризов
Нет ничего в пути.
Мокрым тающим снегом
Лес пропах весь.
И женщина сказала со смехом:
– А мы заночуем здесь!
А мы разобьем палатку,
Сделайте для меня!
Спит она сладко-сладко,
Мужчина сидит у огня

[Завальнюк 1956: 23].

Идиллическая картина весеннего леса и оживающей после долгого сна природы, образы женщины, что так легко и совсем по-детски просит о привале, и мужчины, сидящего у костра и охраняющего сон любимой, создают романтический фон. Но со сменой художественного времени баллады изменяется и атмосфера. Наступает ночь – время испытаний. Отражается это даже в форме: строки становятся рубленными, в коротких фразах затаилось ожидание страшного:

В восемь
Она уснула,
А в десять
Стая пришла

[Завальнюк 1956: 23].

Стоит отметить, что типичным балладным размером является четырехстопный хорей [Бройтман: 333]. У Завальнюка мы можем наблюдать отказ от традиционных стихотворных размеров, что во многом свойственно его лирике. По нашему мнению, это усиливает сюжетную составляющую баллады. Значимость сюжета для баллад XX в. отметил литературовед А.П. Квятковский, по его мнению, баллада – «это сюжетное стихотворение на современную тему, выдержанное преимущественно в остром ритме» [Квятковский: 56].

Далее действие баллады Завальнюка прерывается лирическим отступлением, роль которого в балладах XX в. возрастает [Ивашина: 71]. Автор усиливает возникшую напряженность, когда обращается к народному преданию. Через него объясняется то, насколько опасны оголодавшие за зиму звери:

Люди сложили поверье,
В тайге дожив до седин:
Бойся с весенним зверем
Выйти один на один,
Бесчисленны в дебрях могилы
Без насыпей и крестов

[Завальнюк 1956: 23].

И вновь ритм баллады сбивается, передавая всю безвыходность и безнадежность сложившейся ситуации:

...Семнадцать,
Острых, как пилы,
Семнадцать
Серых хребтов

[Завальнюк 1956: 23].

Эта точная цифра словно приговор – спасения и надежды на благополучный исход быть не может. Нет ни единого шанса, что оголодавшие волки пройдут мимо.

Человек в произведениях Завальнюка никогда не идеализируется, но поэт верит в него, в лучшие его качества. Герой баллады – обычный человек, он испытывает страх и растерянность, но одновременно с этим понимает, что бросить женщину одну он не может. Его долг защитить ее во что бы то ни стало, любой ценой:

На лбу ледяные пятна,
И тяжело дышать.
И только одно понятно –
Надо бежать.
Но разве ее
Оставишь
На растерзанье одну?
Но разве ее
Заставишь
Сонную влезть на сосну?

В памяти некогда рытаться.
Палка и нож в руке.
И проснулся
Высокий рыцарь
В старом холостяке.
И дрался он, как влюбленный,
Огнем сокрушая врага.
И пахла шерстью паленой
На тысячу верст тайга

[Завальнюк 1956: 24].

Обычный холостяк перерождается в «высокого рыцаря». Проявление лучших человеческих качеств передано через «вечный» образ рыцаря, который символизирует собой благородство, самоотверженность и великодушие. Если герой первого произведения цикла не прошел проверку, то герой «Баллады о тающем снеге» справился с выпавшим на его долю испытанием. Тем самым он подтвердил авторскую позицию, что священный долг мужчины – защищать женщину. Поэт напишет об этом позже в стихотворении «Куда ж мы гоним старую собаку?»:

«Бьют женщину!»
О чем тут говорить?
Иди умри, пигмей ты или гений!
Мужчина женщину обязан защитить,
И нет тут никаких соображений!

[Завальнюк 1966: 42].

Выстраивая сюжет своей баллады, Завальнюк использует еще один традиционный прием, характер-

ный для баллад эпохи романтизма, – с наступлением рассвета все страшное исчезает:

Дрогнула темень густая.
Утро
И тишина.

В четыре
Ушла стая,
А в восемь
Проснулась она

[Завальнюк 1956: 24–25].

Важно отметить: неспроста действие обеих баллад разворачивается в разные времена года. Традиционно зима воспринимается как завершение жизненного пути, и неминуемой смертью в заснеженной тайге оканчивается жизнь героя «Таежной баллады». Весна – это время возрождения, начала жизни, сам герой «Баллады о тающем снеге» словно перерождается, его путь на земле продолжается:

И пошли они дальше, отважные,
По молодой весне.
И были губы у женщины влажные,
Как влажен тающий снег...

[Завальнюк 1956: 25].

Таким образом, балладный цикл выстроен вокруг мотива нравственного испытания, с которого он начинается и заканчивается. Примечательно, что наиболее ярко этот мотив связан с художественным образом тайги, потому что тайга – это пространство, которое позволяет человеку остаться один на один с собой и с миром. Именно Завальнюк ввел образ тайги в жанр баллады, обогатил и расширил его.

Проанализированные баллады Леонида Завальнюка во многом сохраняют черты каноничной баллады. Это и повествование от третьего лица, и использование архетипических сюжетов, и смешение христианских и языческих понятий, и персонификация природных сил. Особая роль в развитии сюжета баллады отведена художественному времени. События зачастую происходят ночью, в самое пугающее и таинственное время суток, а завершается все на рассвете с восходом солнца: на рассвете уходят «мудрые боги тайги», отступает волчья стая. Новый день знаменует собой конец испытания, время подведения итогов.

Одновременно поэт использует такую особенность баллады, как жанровый синкретизм – способность перенимать новое из других жанров. У Завальнюка эта черта проявилась в переосмыслении сюжета библейской притчи и жанровой гибридизации: соединении элементов баллады и притчи. «Баллада о хлебе» заканчивается трагично, а ее поучительный характер свойственен притчам.

Наряду с сохранением балладных традиций видна и трансформация жанра Завальнюком. Например,

претерпевает изменение мотив страшного. Если традиционно он реализуется через мистическую составляющую, то страшное у Завальнюка абсолютно реально: мертвец, лежащий рядом с героем, волчья стая. Все это делает сюжет более жизненным и реалистичным. Кроме того, в балладах Завальнюка наблюдается отказ от традиционного четырехстопного хорея, использование повествования от первого лица.

Интересным нам представляется и факт возвращения сюжетности в балладу в противовес лиризации баллады в русской литературе XIX в. – но в соответствии с тенденциями, характерными для советской баллады.

Важно ответить и на вопрос о том, насколько осознанно следовал Завальнюк канонам баллады. Создание первых баллад приходится на период становления и поиска собственной манеры (1950–60-е гг.), совпавший с обучением в Литинституте. Потому можем предположить, что поэт имел представление о становлении и развитии жанра баллады как в русской, так и в советской поэзии. Тем более что его наставником был один из создателей этого жанра. Т эксперимент Завальнюка с балладным жанром можно считать осознанным. Баллада для поэта стала пространством для поиска своей художественной манеры. Мы можем отметить, что в целом лирика Завальнюка как раннего, так и зрелого периода отличается сюжетностью. И баллада дала поэту возможность реализовать эту характерную черту своей поэзии.

Четыре баллады из пяти Завальнюк впоследствии переиздал по отдельности в сборниках «Лирика» (1963), «Вторые травы» (1975) и «Книга встреч» (1977). Он неоднократно возвращался к этому жанру и в зрелом творчестве: «Баллада о первой любви» (1975), «Баллада о желтой машине» (1987), «Баллада о рогах» (1987) и др. А мотив нравственного испытания оставался одним из ведущих на протяжении всего творческого пути Завальнюка, особенно значимое место он занял в лирике поэта, которая составляет основу его творческого наследия.

Список литературы

Боровская А.А. Жанровые трансформации в русской поэзии первой трети XX века. Астрахань, 2009. 527 с.

Бройтман С.Н. Историческая поэтика // Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: в 2 т. / под ред. Н.Д. Тмарченко. Москва: Издательский центр «Академия», 2004. Т. 2. 368 с.

Веселовский А.Н. К народным мотивам баллад о Леноре // Журнал Министерства народного образования. Санкт-Петербург, 1885 (ноябрь). С. 71–79.

Гудкова С.П., Пивкина Е.В. Историко- и теоретико-литературные аспекты изучения жанра баллады // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 9-2 (87). С. 248–251.

Завальнюк Л.А. Вторые травы: Стихи. Москва: Молодая гвардия, 1975. 63 с.

Завальнюк Л.А. За отступающим горизонтом: Баллады и поэма. Благовещенск: Амурское кн. изд-во, 1956. 104 с.

Завальнюк Л.А. Мой дом. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1966. 70 с.

Завальнюк Л.А. Мужик ласкает даму: Стихи. Санкт-Петербург: Алетейя, 2014а. 208 с.

Завальнюк Л.А. Предвестие. Санкт-Петербург: Алетейя, 2014б. 296 с.

Завальнюк Л.А. Приснитесь мне, города. Благовещенск: Амурское кн. изд-во, 1962. 64 с.

Завальнюк Л.А. Стихи. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2001. 272 с.

Ивашина В.В. Эволюция жанра баллады в русской литературе. Общие тенденции // Культурология, филология, искусствоведение: актуальные проблемы современной науки: сб. ст. по материалам VIII Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: Ассоциация науч. сотр. «Сибирская академическая книга», 2018. С. 67–72.

Квятковский А.П. Поэтический словарь / науч. ред. И. Роднянская. Москва: Советская энциклопедия, 1966. 376 с.

Кравцов Н.И. Славянская народная баллада // Проблема славянского фольклора. Москва: Наука, 1972. 360 с.

Лосев А.В. Приамурье в художественной литературе: Аннотированный указатель. Благовещенск: Амурское кн. изд-во, 1963. 104 с.

Тамарченко Н.Д., Тюпа В.И., Бройтман С.Н. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика // Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: в 2 т. / под ред. Н.Д. Тамарченко. Москва: Издательский центр «Академия», 2004. Т. 1. 512 с.

References

Borovskaia A.A. *Zhanrovye transformatsii v russkoi poezii pervoi treti KhKh veka* [Genre transformations in Russian poetry in the first third of the 20th century]. As-trakhan, 2009, 527 p. (In Russ.)

Broitman S.N. *Istoricheskaia poetika* [Historical poetics]. *Teoriia literatury: ucheb. posobie dlia stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedenii: v 2 t.* [Theory of literature: A textbook for students of philological faculties of higher educational institutions: in 2 vols.], ed. by N.D. Tamar-chenko. Moscow, Izdatel'skii tsentr "Akademiia" Publ., 2004, vol. 2, 368 p. (In Russ.)

Gudkova S.P., Pivkina E.V. *Istoriko- i teoretiko-lit-eraturnye aspekty izucheniia zhanra ballady* [Historical and theoretical and literary aspects of the study of the ballad genre]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice], 2018, No. 9-2 (87), pp. 248-251. (In Russ.)

Ivashina V.V. *Jevoljucija zhanra ballady v russkoi lit-erature. Obshhie tendencii* [The evolution of the ballad genre in Russian literature. General trends]. *Kul'turologija,*

filologija, iskusstvovedenie: aktual'nye problemy sovremennoj nauki: Sb. st. po materialam VIII mezhdunar. nauch.-prakt. konf [Culturology, philology, art history: actual problems of modern science: Collection of arti-cles based on materials of the VIII Intern. scientific-prac-tical. conf.]. Novosibirsk, Associacija nauchnyh sotrud-nikov "Sibirskaja akademicheskaja kniga" Publ., 2018, pp. 67-72. (In Russ.)

Kviatkovskii A.P. *Poeticheskii slovar'* [Poetic dictio-nary], ed. by I. Rodnianskaia. Moscow, Sovetskaia en-tsiklopediia Publ., 1966, 376 p. (In Russ.)

Kravtsov N.I. *Slavianskaia narodnaia ballada* [Sla-vic folk ballad]. *Problema slavianskogo fol'klora* [The problem of Slavic folklore]. Moscow, Nauka Publ., 1972, 360 p. (In Russ.)

Losev A.V. *Priamur'e v khudozhestvennoi literature: Annotirovannyi ukazatel'* [The Amur region in fiction: Annotated index]. Blagoveshchensk, Amurskoe knizh-noe izdatel'stvo Publ., 1963, 104 p. (In Russ.)

Tamarchenko N.D., Tiupa V.I., Broitman S.N. *Teo-riia khudozhestvennogo diskursa. Teoreticheskaja poe-tika* [Theory of artistic discourse. Theoretical poetics]. *Teoriia literatury: ucheb. posobie dlia stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedenie: v 2 t.* [Theory of literature: A textbook for students of philological faculties of higher educational institutions: in 2 vols.], ed. by N.D. Tamar-chenko. Moscow, Izdatel'skii tsentr «Akademiia» Publ., 2004, vol. 1, 512 p. (In Russ.)

Veselovskii A.N. *K narodnym motivam ballad o Lenore* [To the folk motifs of the ballads about Lenora]. *Zhur-nal Ministerstva narodnogo obrazovaniia* [Journal of the Ministry of Public Education]. Saint Petersburg, 1885, pp. 71-79. (In Russ.)

Zaval'njuk L.A. *Za otstupajushhim gorizontom. Bal-lady i pojema* [Beyond the receding horizon. Ballads and Poem]. Blagoveshhensk, Amurskoe kn. izd-vo Publ., 1956, 104 p. (In Russ.)

Zaval'njuk L.A. *Moj dom* [My home]. Habarovsk, Habarovskoe kn. izd-vo Publ., 1966, 70 p. (In Russ.)

Zaval'njuk L.A. *Muzhik laskaet damu: Stihi* [The man caresses the lady: Poems]. Saint Petersburg, Ale-tejja Publ., 2014a, 208 p. (In Russ.)

Zaval'njuk L.A. *Predvestie* [Premonition.]. Saint Pe-tersburg, Aletejja Publ., 2014b, 296 p. (In Russ.)

Zaval'njuk L.A. *Prisnites' mne, goroda* [Dream me, cities]. Blagoveshhensk, Amurskoe kn. izd-vo Publ., 1962, 64 p. (In Russ.)

Zaval'njuk L.A. *Stihi* [Poems]. Blagoveshhensk, AmGU Publ., 2001, 272 p. (In Russ.)

Zaval'njuk L.A. *Vtorye travy: stihi* [Second herbs. Poet-ry]. Moscow, Molodaja gvardija Publ., 1975, 63 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 29.08.2023; одо-брена после рецензирования 14.10.2023; принята к пуб-ликации 30.10.2023.

The article was submitted 29.08.2023; approved after reviewing 14.10.2023; accepted for publication 30.10.2023.